Забровский А. П.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ОБРАЗА ИНОСТРАНЦА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

Едва ли найдется другая такая литература, как русская, которая kmm бы так густо заселена героями - иностранцами. Это обусловлено особой значимостью в русской истории вопроса об отношениях между Россией и Европой, который был поставлен петровскими реформами, но актуальность которого не стала меньше II сегодня. В наше время, должно быть, уже бессмысленно спорить о том, надо ли было "прорубать окно в Европу". Триста лет назад это с обытие стало всемирно-историческим фактом. Россия волей Петра in,та подключена к европейскому культурному времени и подверглась массированному влиянию западной культуры, которая русскому народу дала довольно противоречивые по своей шачимости уроки. Это остро ощутили русские писатели в лице, прежде всего, Пушкина и Грибоедова. Проблема была поставлена, а историческое разрешение ее дается и по сей день. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что классическая русская литература началась с постановки проблемы об усвоении русским народом плодов западной цивилизации.

В русской литературе образ иностранца, как правило, дается в сатирическом ключе. Диапазон очень широк: от явных злодеев до добрых симпатичных людей, однако в той или иной степени "испорченных" западной цивилизацией. В русской литературе довольно трудно найти иностранца, который нес бы позитивную программу. Конечно, вся наша литература имеет преимущественно критический характер, но в противопоставлении русского человека и иностранца за русским остается больше прав назьюаться "положительным", даже если он, как и иностранец, изображен сатирически. И дело здесь, как нам кажется, вовсе не в том, что русские писатели настроены на националистический лад. Русские писатели имели и имеют самую разную философскую ориентацию -

от отрицания своеобразия русской культуры до его утверждения. Дело в самой функции образа иностранца в нашей литературе. Иностранец интересен не сам по себе - он интересен как своеобразный литературный прием, дающий возможность заострить проблемы именно русского народа.

Фигура Петра в русской истории, как известно, противоречива. Но, открыв шлюзы западной культуры, начав процесс культурного взаимодействия Запада и России, Петр своими преобразованиями породил весь круг проблем, которые заявлены русской литературой. Классическая русская литература началась с самоосознания. Был поставлен вопрос: а что, собственно, такое Россия и русский народ? В чем его своеобразие? Какими путями он шел до Петра и какими пошел после? Однозначного ответа нет до сих пор, да и вряд ли он возможен вообще. Но всякий народ должен иметь свой автопортрет.

Две проблемы, относящиеся к нашей теме, были сформулированы Грибоедовым: о национальном достоинстве и характере просвещения. Речь шла, разумеется, о так называемых "образованных" сословиях. Проблема иностранного влияния в начале прошлого века для простого народа еще не стояла. Она будет актуализироваться по мере демократизации и развития русского общества. "Французик из Бордо" пренеприятно задевает европейски образованного бунтаря Чацкого. "Французик снаряжался в путь// в Россию, к варварам, со страхом и слезами;// Приехал - и нашел, что ласкам нет конца;// Ни звука русского, ни русского лица // не встретил; будто бы в отечестве, с друзьями; // своя провинция."[1] В другом месте Чацкий с горечью восклицает: "К с ранних пор привыкли верить мы, // Что нам без немцев нет спасения"[2].

У Пушкина в "Капитанской дочке" француз Бопре, учитель Гринева, безнравственный, развращенный, полуграмотный, ничему хорошему не может научить своего воспитанника. Онегину в учителя Пушкин определил "убогого француза", который "чтоб не

* Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 1968.С.105.
[2] Грибоедов А.С. Горе от ума.М., 1968.С.26

измучилось дитя,// Учил его всему шутя,// Не докучал моралью строгой..."[3].

В сущности у Пушкина и Грибоедова сатире подвержены не столько сами учителя-французы, сколько неразборчивые русские.

Вопрос о просвещении для времени Пушкина и Грибоедова был одним из самых актуальных вопросов. Можно сказать, что актуальность его не снизилась и сегодня. "Конечно, мало вопросов, которые в настоящее время были бы важнее этого вопроса - об отношении русского просвещения к западному,"[4] - писал Иван Киреевский в статье "О характере просвещения Европы. Статья по своему содержанию и глубине носит концептуальный характер и имеет значение не только для проблемы образования и просвещения. В ней рассматриваются различия в духе и мироощущении русского народа и народов европейских.

В русской литературе, главным образом, четыре нации определяются более или менее четко, с присущими им ярко выраженными национальными чертами: немцы, французы, англичане и - в меньшей степени - итальянцы. Нетрудно заметить, что именно эти народы оказали наибольшее влияние на русскую культуру. Но нетрудно заметить и другое: представители этих народов, населяющие страницы книг русских писателей, даны скорее в негативном свете, нежели в позитивном.

Наиболее часто в русской литературе изображаются немцы. Эта традиция начинается, с Пушкина. В "Пиковой даме" Пушкин изображает обрусевшего немца Германна, для которого страсть к обогащению является основной, главенствующей чертой его личности. Расчетливость и экономичность - вот основные черты Германна. По его собственному выражению он "не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее"[5]. Расчетливость у Пушкина дана как национальная немецкая черта. Германн - натура страстная, но страсть смиряется расчетливостью.

^ Пушкин А.С. Поли. собр. соч. в 10 тт. М.-Л., 194$. т. 5. С. 10

Киреевский И. О характере просвещения Европы"./ Он же. Критика и эстетика. М., 1979. С, 49.

[5] Пушкин А.С. Указ. соч. т. 6 .С. 320

С одной стороны, он боится риска, с другой - жаждет обогащения. Германн хочет быть богатым, ничем при этом не рискуя. Германн беспринципен и безнравственен. "Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение и целую ночь не выходил из его головы. "Что, если,. - думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу, - что, если старая графиня откроет мне свою тайну! - или назначит мне эти три верные карты! почему ж не попробовать своего счастья! : представиться ей, подбиться в ее милость, - пожалуй, сделаться ее любовником, - но на это все требуется время - а ей восемьдесят семь лет, - она может умереть через неделю, - через два дня! .. Нет! Расчет, умеренность и трудолюбие : вот мои три верные карты, вот что утроит, усемерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!"[6]. В последних словах выражен главный жизненный принцип Германна. Но его соблазняет возможность быстрого обогащения. Нарушается принцип - наступает катастрофа.

Черты национального характера есть ничто иное как модель личности, сформированная историей и духом народа. Катастрофа, как правило, происходит тогда, когда нарушается национальная структура, национальный "предел" души.

Немец-генерал в романе Пушкина "Капитанская дочка" понимает Гринева как человека, но Устав, закон и расчетливость для него оказываются важнее драмы человеческих чувств. Напомним: Гринев просит роту солдат, чтобы очистить Белогорскую крепость от мятежников и освободить свою невесту. Психологически ситуация непростая. Невеста Гринева в руках Швабрина. Он хочет насильно жениться на ней. Проблема носит частный характер, на генерале же лежит ответственность за город и многих людей. "Нет, молодой человек, - сказал он, качая головою. - На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникации с главным стратегическим пунктом и получить над вами совершенную победу. Пресеченная коммуникация... Эта

[6]Тамже.С.331

экспедиция была бы неблагоразумна; я не могу взять ее на свою ответственность. "[7]

Так называемое "благоразумие" и безмерное теоретизирование - черты, которые характеризуют немецких военных.

Образ немецкого генерала в повести Пушкина находит свое развитие в романе Льва Толстого "Война и мир" в лице генерала Пфуля, страсть которого к теории доведена до сарказма: "Пфуль был один из тех теоретиков, которые так любят свою теорию, что забывают цель теории - приложение к практике; он в любви к теории ненавидел всякую практику и знать ее не хотел."[8]

В том же месте романа Толстого есть любопытная характеристика самоуверенности различных народов. Самоуверенность немца Толстым выделяется особо и противопоставляется подобной черте у других народов.

"Пфуль был один из тех безнадежно, неизменно, до мученичества самоуверенных людей, которыми только бывают немцы, и именно потому, что только немцы бьюают самоуверенными на основании отвлеченной идеи - науки, то есть мнимого знания совершенной истины. Француз бывает самоуверен потому, что он почитает себя лично, как умом, так и телом, непреодолимо - обворожительным как для мужчин, так и для женщин. Англичанин самоуверен на том основании, что он есть гражданин благоустроеннейшего в мире государства и потому, как англичанин, знает всегда, что ему делать нужно, и знает, что все, что он делает как англичанин несомненно хорошо. Итальянец самоуверен потому, что он взволнован и забывает легко и себя и других. Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина"[9].

[7] Там же.С. 493

U Толстой Л.Н. Вой на и мир .Харьков, 1977. С. 51.

Там же. С. 50

У Пушкина и Толстого в показе характеров иностранцев преобладают сатирические тона с элементами драматизма . Несколько иное мы наблюдаем у Гоголя в "Невском проспекте", где немцы показаны исключительно в комическом свете. Обыгрываются фамилии Шиллера и Гофмана. Национальные черты доведены до гротеска.

"Перед ним сидел Шиллер, - не тот Шиллер, который написал "Вильгельма Телля" и "Историю тридцатилетней войны", но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, - не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера. " "Я не хочу, мне не нужен нос! - говорил он [Шиллер - А.З.], размахивая руками. - У меня на один нос выходит три фунта табаку в месяц. И я плачу в русский скверный магазин, потому что немецкий магазин не держит русского табаку, я плачу в русский скверный магазин за каждый фунт по сорок копеек; это будет рубль двадцать копеек; двенадцать раз рубль двадцать копеек - это будет четырнадцать рублей сорок копеек. Слышишь, друг мой Гофман? на один нос четырнадцать рублей сорок копеек! Да по праздникам я нюхаю ропе, потому что я не хочу нюхать по праздникам русский скверный табак. В год я нюхал два фунта ропе, по два рубля фунт. Шесть да четырнадцать - двадцать рублей сорок копеек на один табак. Это разбой! Я спрашиваю тебя, мой друг Гофман, не так ли? - Гофман, который сам был пьян, отвечал утвердительно. - Двадцать рублей сорок копеек! Я швабский немец; у меня есть король в Германии. Я не хочу носа! режь мне нос! вот мой нос!"[10]

"Я почитаю не излишним познакомить читателя несколько покороче с Шиллером,-говорит далее Гоголь.- Шиллер был совершенный немец, в полном смысле этого слова. Еще с двадцатилетнего возраста , с того счастливого времени, в которое русский живет на фу-фу, уже Шиллер размерил всю свою жизнь и никакого, ни в коем случае, не делал исключения. Он положил вставать в семь часов, обедать в два, быть точным во всем и быть

[10] Гоголь Н.В.Собр. соч. в 7 тг. М„ 1984 г. Т. 3. С. 30.

пьяным каждое воскресенье. Он положил себе в течение десяти лет составить капитал из пятидесяти тысяч, и уже это было так верно и неотразимо, как судьба, потому что скорее чиновник позабудет заглянуть в швейцарскую своего начальника, нежели немец решится переменить свое слово. Ни в каком случае не увеличивал он своих издержек, если цена на картофель слишком поднималась против обыкновенного, он не прибавлял ни одной копейки, но уменьшал только количество, и хотя оставался несколько голодным, но, однако же, привыкал к этому. Аккуратность его простиралась до того, что он положил целовать жену свою в сутки не более двух раз, а чтобы как-нибудь не поцеловать лишний раз он никогда не клал перцу более одной ложечки в свой суп; впрочем, в воскресный день это правило не так сурово исполнялось, потому что Шиллер выпивал тогда две бутылки пива и одну бутылки тминной водки, которую, однако же, он всегда бранил. Пил он вовсе не так, как англичанин, который тотчас после обеда запирает дверь на крючок и нарезывается один. Напротив, он , «как немец, пил всегда вдохновенно, или с сапожником Гофманом, или с столяром Кунцем, тоже немцем и большим пьяницею."[11]

Сатирическую традицию Гоголя в изображении немцев продолжает Лесков в рассказе "Железная воля". Показана одна, но главенствующая черта немецкого инженера Гуго Пекторалиса, принятая им в качестве жизненного принципа и доведенная до абсурда. Для Лескова важно не само по себе качество характера немца; ему важно показать, как эта чисто немецкая черта терпит фиаско в русских условиях. Эпиграфом к рассказу Лесков берет русскую поговорку "Ржа железо точит". Эта поговорка является как бы русским национальным принципом, составляющим оппозицию немецкому национальному принципу.

Гуго Пекторалис в сущности неплохой человек и толковый инженер. Это подчеркивается автором: "... этот Пекторалис оказался очень хорошим,- конечно, не гениальным, но опытным, сведущим и искусным инженером. Благодаря его твердости и настойчивости

[11] Там же.С. 34-35.

дело, для которого он приехал, пошло превосходно, несмотря на многие неожиданные препятствия."[12] Герой вызывает симпатии и сочувствие читателя, хотя некоторые реплики заставляют задуматься и искать аналогов в мировой истории. Например, "железная воля" Пекторалису нужна для того, чтобы "подчинять себе все", - это его мечта; кредо немца таково: пока подчиняюсь сам, но потом буду подчинять других. Он мечтает также о браке с женщиной, у которой такая же "железная воля", и надеется, что от этого брака будут особенные дети :"Гуго ни с того ни с сего обнял меня за плечи и спросил, могу ли я себе представить, что может произойти от очень твердой женщины и очень твердого мужчины?-

Я ему отвечал:

- Могу.

- А как вы именно думаете?

- Думаю, что может ничего не произойти.

Пекторалис сделал удивленные глаза и спросил:

-Почему вы это знаете?

Мне стало жаль его - и я отвечал, что я просто пошутил.

- О, вы шутили, а это совсем не шутка, - это действительно так может быть, но это очень, очень важное дело, на которое и нужна вся железная воля"[13].

Весь рассказ Лескова построен на комических ситуациях, высмеивающих доведенную до абсурда "железную волю" немца, которой противопоставлено безволие русского человека Сафроныча, оппонента Пекторалиса. Сафроныч также фигура комическая. Он пьяница, лентяй и плохой хозяин. Сатирически Пекторалис и Сафроныч уравновешены. В этом рассказе Лесков не любуется русским человеком, он знает его исконные недостатки. Но немец со своей узкой философией и однобокой принципиальностью еще хуже. "Бог за русских всегда наказывает," - говорит священник в финале рассказа.

Смерть Пекторалиса и трагикомична и символична одновременно. На поминках по Сафронычу Пекторалис, празднуя

[12] Лесков Н.Собр. соч. в Птт.М., 1957 г.т.б.С.18.
[13]Там же.С. 21

свою мнимую победу, умирает, подавившись блином. "Обещания даются по соображениям - и исполняются по обстоятельствам," - такова позиция автора.

Из всех персонажей - немцев, изображенных в русской литературе, более всех, пожалуй, мог бы претендовать на роль положительного Андрей Штольц, герой романа Гончарова "Обломов". Он замышлялся автором именно как носитель "прогрессивных" черт, недостающих русскому барину Обломову, человеку инертному, но духовному. Именно "духовность" и суетливая, тщеславная "деятельность" лежат у Гончарова на чаше весов. В образе Штольца выявляются ущербность и ограниченный практицизм, характерный для человека западной ориентации.

Обломов для Гончарова, конечно, не "герой". Образ этот в разные времена интерпретировался по-разному. Однако духовность - ценность абсолютная. Проблема романа - дисбаланс между избытком духовности и недостатком деятельности.

Вряд ли можно отрицать тот факт, что из всех европейских народов наибольшее влияние на русскую культуру, по крайней мере, на первую половину XIX века, оказали французы. Философия просвещения, великая французская литература и французская революция, личность Наполеона, наконец, оставили глубокий след в становлении и развитии русской литературы.

Мы уже касались образов французов у Пушкина и Грибоедова. Из всей последующей литературы нам хотелось бы остановиться на образе капитана Ромбаля, персонажа романа Льва Толстого "Война и мир", который, как нам кажется, является наиболее типичным, мифологизи- рованным представителем французской нации.

Ромбаль совсем не похож на захватчика. И если бы ему об этом сказали, вряд ли бы он понял. Война для Ромбаля - приключение, игра, в которую француз, по его мнению, может играть с полным правом. Ромбаль знает "цену" себе и своим соотечественникам: "страшны в сражениях, любезны с красавицами, вот французы, господин Пьер".

Франция - самая цивилизованная страна, а Париж - центр земли: "Париж!.. Человек, который не знает Парижа, - дикарь.

Парижанина узнаешь за две мили. Париж - это Тельма, Дюшенуа, Потье, Сорбонна, бульвары ... Во всем мире один Париж."[14]

Выражаться с такой чудовищной самоуверенностью позволяют Ромбалю, прежде всего, победы наполеоновской армии: "мы брали Вену, Берлин, Мадрид, Неаполь, Рим, Варшаву, все столицы мира."[15]

Капитан Ромбаль великодушен и безнравственен как дитя, он искренне удивляется, как можно не любить французов. Легкомысленность, бахвальство - в общем-то известные черты, обычно приписываемые французской нации. Вот как описывает Толстой отношение Ромбаля к любви: "l'amour, которой поклонялся француз, заключалась преимущественно в неестественности отношений к женщине и в комбинации уродливостей, которые придавали главную прелесть чувству.

Так капитан рассказал трогательную историю любви к одной обворожительной тридцатипятилетней маркизе и в одно и то же время к прелестному невинному, семнадцатилетнему ребенку, дочери обворожительной маркизы. Борьба великодушия между матерью и дочерью, окончившаяся тем, что мать, жертвуя собою, предложила свою дочь в жены своему любовнику, еще и теперь, хотя уж давно прошедшее воспоминание, волновало капитана. Потом он рассказал один эпизод, в котором муж играл роль любовника, а он (любовник) роль мужа, и несколько комических эпизодов из воспоминаний о Германии, где мужья едят капустный суп и где молодые девушки слишком белокуры."[16]

Типичность такого рода отношений к любви подтверждает сходство ситуации в романе Мопассана "Милый друг".

Француз Бопре, воспитатель Гринева, в повести Пушкина "Капитанская дочка", отличался сходной с Ромбалем безнравственностью.

В рассказе А.П.Чехова "Глупый француз" клоун Генри Пуркуа с ужасом наблюдает, как русский поедает огромное количество

[1]^Толстой Л.Н.Указ.соч.С.377
[15]Там же.
[16]Укач.соч.С.382

блинов. Показано непонимание французом русской традиции. Здесь та же самоуверенность француза, что и у толстовского Ромбаля. Модель непонимания такова: у нас, во Франции, по-другому. "Пуркуа поглядел вокруг" себя и ужаснулся. Половые, толкаясь и налетая друг на друга, носили целые горы блинов... За столами сидели люди и поедали горы блинов, семгу, икру... с таким же аппетитом и бесстрашием, как и благообразный господин. "О, страна чудес! - думал Пуркуа, выходя из ресторана. - Не только климат, но даже желудки делают у них чудеса! О, страна, чудная страна."[17]

Самоуверенность западного человека, его отрицание русской культуры и презрение к русскому народу, есть черта, характерная, пожалуй, для всех образов европейцев. Эта добровольная преграда, высокомерие и нежелание понять иную культуру ставит иностранца в России в разного рода комические ситуации. Русский писатель смотрит на иностранца, естественно, глазами русского че" -века. Отсюда и пафос его изображения. Но писатель видит болхше, чем простой человек. Изображая, он видит rte только иностранца, но и русского. В рассказе "Дочь Альбиона" Чехов комически изображает англичанку, десять лет живущую в России, но так и не выучившую ни одного русского слова, - до такой степени она презирает эту страну. Но в этом рассказе не в лучшем свете показаны и русские. В ответ на презрительный взгляд Уильки Чарльзовны Пфайс Грябов откровенно раздевается и лезет в воду отцеплять крючок. "Это, брат, ей не Англия!"[18]- говорит Грябов.

Уже говорилось о том, что изображение иностранца в России имеет несколько функций. Это не только попытка сопоставить культуры и национальные менталитеты. Это еще и возможность увидеть Россию и ее историю со стороны. С этой точки зрения большой интерес представляет повесть А. Платонова "Епифанские шлюзы". Показан иностранец, активно заинтересованный в успехе петровских реформ. Герой повести, английский инженер Бертран Перри, романтик. Он новая, активная фигура европейской истории,

' 'Чехов А.П.Собр.соч.в 12-ти т.т.М.,1961. Т. 6.С.476.
Чехов А.П.Собр.соч.в 12тг. Т 2.С.49.

своего рода рыцарь нового времени: "Искандер завоевывал, Веспуччн открывал, а теперь наступил век построек окровавленного воина и усталого путешественника сменил умный инженер".[19]

Платонов Россию показывает как бы со стороны, оценивающими глазами иностранца, которого одновременно и восхищает русская природа и страшит своей загадочностью и непохожестью на Европу." ... Перри... отвернулся, заметив страшную высоту неба над континентом, какая невозможна над морем и над узким британским островом."[20] Бертран внимательными, "обожающими " глазами смотрит на страну, в которой ему предстоит жить и умереть: "Минувши Москву, инженеры долго помнили ее колокольную музыку и тишину пустых пыточных башен по углам Кремля. Особо восхитил Перри храм Василия Блаженного - это страшное усилие души грубого художника постигнуть тонкость и - вместе - круглую пышность мира, данного человеку задаром."[21]

Для европейца Россия - страна дикая, народ ее темен и нищ, пространства огромны и пустынны. О Европе говорится, что она "многошумна" и "многолюдна", "где мореплавателей всегда изрядно и есть чем утешиться образованному взору."[22] И как бы в противопоставление дается образ русских людей: "Россы мягки нравом, послушны и терпеливы в долгих и тяжких трудах, но дики и мрачны в невежестве своем."[23] Зверь и человек в глазах англичанина уравнены: "зверь наравне с человеком себе жизнь промышляет."[24]

В чем же причина трагедии Бертрана Перри, талантливого инженера, мужественного и скромного человека, приехавшего в Россию не за длинным рублем и не в качестве отстраненного путешественника, а человека, страстно желающего "цивилизовать" полюбившуюся ему страну?

[19]Платонов А.П.Собр.соч.в 3-хтг.М.,1984.С.226.
[20]Там же,С.231.
[21] Там же.
[22]Там же.С.221.
[23]Там же.
[24].Там же.

Ошибка Перри, по Платонову, заключается в его избыточной однолинейной рассудочности, в чрезмерном уповании на человеческий разум, на "арифметическое" сознание, которое почти подавило все другие возможности человека, далеко ушедшего от "натуры", противопоставляю- щего себя природе. В основе личности Перри - европейца, по мысли Плато- нова,лежит "скупой практический разум веры его отцов, понявшей тщету всего неземного".[25]

Платонов показывает, что для России недостаточно голых схем и точных расчетов; нужны иные мерки и подходы. Нужно, прежде всего, знать эту страну и дух русского народа. Нельзя заниматься преобразованиями, не опираясь на опыт народа. По мысли автора тго касается не только иностранных инженеров, но и самих правителей, в даном случае - Петра. Тотальная ориентация на Запад, презрение к собственному народу, отрицание его опыта (царский воевода вбивал "разум в задницу мужиков"), - все это привело в конечном счете, к созданию противоречий, которые до сих пор не разрешены историей. Вот что писал по этому поводу в упомянутой уже статье Иван Киреевский: "...самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных сгремлений; потому что при всем богатстве, при всей, можно сказать, громадности частных открытий и успехов в науках общий вывод из всей совокупности знания представил только отрицательное значение для внутреннего сознания человека; потому что при всем блеске, при всех удобствах наружных усовершенствований жизни самая жизнь лишена была своего существенного смысла, ибо, не проникнутая никаким общим, сильным убеждением, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрета глубоким сочувствием. Многовековой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала своего развития, так что собственные его коренные начала, из которых оно выросло, сделались для него посторонними, чужими, противоречащими его

[25]Указ.соч.С.230.

последним результатам; между тем как прямою собственностию его оказался этот самый разрушивший его корни анализ, этот самодвижущийся нож разума, этот отвлеченный силлогизм, не признающий ничего, кроме себя и личного опыта, этот самовластвующий рассудок - или как вернее назвать эту логическую деятельность, отрешенную от всех других познавательных сил человека, кроме самых грубых, самых первых чувственных данных, и на них одних созидающую свои воздушные диалектические построения?"[26]

Бертран Перри терпит крах не только как инженер-строитель, но и в личной жизни. Его невеста, Мери Карборунд, выходит замуж за другого. Душа Бертрана, "не боявшаяся никакой жути", оказывается сломленной. "Перри одичал сердцем, а мыслью окончательно замолчал. "Незадолго до казни "один стражник-старик на последней ночевке ни с того ни с сего сказал Перри:

- И куды мы тебя ведем ? Может, на мертвую казнь! Нынешний царь горазд на всякую лютость... Я б убег на глазах! Пра! А ты идешь цыплаком! Кровя, брат, у тебя дохлые - я б залютовал во как и в порку не дался, тем более в казнь !.."[27]

В какой-то степени характер платоновского героя своей однолинейностью и негибкостью напоминает такую же трагическую фигуру Гарольда Кембела из рассказа Евг. Замятина "Островитяне".

Кембел показан человеком, представляющим собой тип "неподвижных людей", с толстыми наслоениями условностей, "квадратной" логичности и правильности, тип "культурного человека", не имеющего собственного лица.

Замятин показывает полуживой, машинизированный мир, которым правит "железный" Порядок. Идиологом и символом этого мира выступает викарий Дьюли. Вот его портрет:

"Викарий Дьюли - был, конечно, тот самый Дьюли, гордость Джесмонда и автор книги "Завет принудительного Спасения". Расписания, составленные согласно "Завету", были развешаны по стенам библиотеки мистера Дьюли. Расписание часов приема пищи

[26]Киреевский И.В.Указ.соч.С.250-251.
[27]Платонов А.П.Указ.соч.С.249-250.

расписание дней покаяния (два раза в неделю); расписание пользования свежим воздухом; расписание занятий благотворительностью; и, наконец, в числе прочих одно рис писание, из скромности не озаглавленное и специально касавшееся миссис Дьюли,где были выписаны субботы каждой третьей недели."[28]

Кембел плоть от плоти мира, творимого викарием. Идея порядка, изложенная в "Завете принудительного Спасения" шкладывает в натуру Кембла "квадратную уверенность": "все у него было непреложно и твердо: на небе - закономерный бог; величайшая на земле нация - британцы; наивысшее преступление в мире - пить чай, держа ложечку в чашке".[29]

Но внезапная любовь разрушила на время "квадратную" логичность Кембла. Он стал способен на безрассудные поступки. Ради своей возлюбленной Кембл выходит на ринг и оказывается нокаутированным. В бессознательном состоянии его приносят в "гот" дом, где живет Диди, в дом, который в глазах джесмондовских обывателей имеет сомнительную репутацию. Но Кембл в своем безрассудстве идет еще дальше - он пренебрегает мнением викария, миссис Кембл, Мак-Интоша, секретаря Корпорации Почетных (конарей прихода Сент-Инох, специалиста по морали. Кембл делает предложение Диди.

Однако в финале "старый" Кембл оказывается сильнее "нового". "У Кембла, слава богу, руль опять в руках, и он твердо правит к маленькому домику с электрическим утюгом /.../ о чем теперь думать? Все квадратно -твердо впереди: и маленький домик, и сияющий белизною порог, и ваза для воскресных гвоздик - зеленая или голубая."[30]

Мы коснулись образа иностранцев в произведениях русских писателей, показаных как бы с бытовой стороны. Но с этим же образом связаны и проблемы онтологического характера.

'^Замятин Е.И. Избранное.М,1989.С.95-96.

?'Там же. С.101.
1l,Указ.соч.С.128.

Например, проблема Добра и Зла. В этом смысле в русской литературе существует целая галерея иностранцев "демонического" характера. У Пушкина таковыми являются все герои "Маленьких трагедий", Сильвио - в "Повестях Белкина", Импровизатор - в "Египетских ночах", тот же Германн - в "Пиковой даме". Подобные герои легко обнаруживаются и у других русских писателей. Однако из сказанного вовсе не следует, что проблема Добра и Зла, эта сверхпроблема всех народов и эпох, связана в русской литературе исключительно с образами иностранцев. Отнюдь нет. Но вряд ли мы согрешим против истины, если скажем, что с иностранцами в русской литературе эта проблема связана в первую очередь. Причина, по нашему мнению, кроется во всем комплексе отношений русского человека к человеку западному, который воспринимался, как человек из иного мира, и которого можно было отличить уже по его внешнему виду:

"Раньше всего: ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным наболдашником в виде головы пуделя. По виду лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом - иностранец."[31]

Прежде всего, в приведенном отрывке обращает на себя внимание непохожесть, неординарность, даже некоторая экзотичность внешнего облика персонажа, что дает право рассказчику определить его как иностранца. Это важная типологическая характеристика, идущая из глубины традиционного восприятия русским человеком "заморского гостя". Облик его непонятен, даже, может быть, чуть-чуть страшноват. Неизвестно, чего ожидать от этого человека. В то же время в традициях русской

Булгаков М.А.Избр.произв.в 2-х тт.Киев,1989.т.2,С.337.

литературы подобный образ относится к разряду романтических. Романтизм, как известно, - явление по своему происхождению западноевропейское. Чисто русских романтических персонажей в отечественной литературе не так уж много. От "романтизированного" иностранца всегда ожидаешь како-либо злодейства. Этот персонаж бывает наделен не только экзотической внешностью, но, как правило, обладает какими-либо выдающимися способностями. У Импровизатора в "Египетских ночах" - немалый поэтический талант, Сильвио в "Выстреле" дьявольски стреляет из пистолета.

Важно также выделить другую типологическую черту образа инстранца в русской литературе: он несет в себе зло. Поэтому изображение иностранца - это также преодоление зла. Зло в данном контексте надо понимать в широком смысле. Не только как мировое зло, но и зло на обыденном уровне, зло как "нормативно-оценочную категорию морального сознания".[32] Демонизм западного человека в глазах руских писателей направлен на разрушение существующих духовных и материальных ценностей. Поскольку западный человек несет в себе черты чуждой культуры, чуждого мировосприятия и мироощущения, постольку его влияние на русскую культуру носит негативный и даже деструктивный характер.

Так сложилось исторчески, что именно с запада Зло очень часто приходило в Россию. И сама по себе Россия в последние четыреста лет противопоставлялась Европе, но не Востоку. С Востоком Россия отождествлялась, - несмотря на крайне сложные отношения первых веков становления русской государственности. После свержения татаро-монгольского ига соловьи-разбойники и тугарины ушли из русской культуры. На их место с христианством пришел сатана. Мы не будем касаться вопроса раскола церквей и отражения этого события в русском национальном сознании. Но ясно, что оно не прошло бесследно. Роль православной церкви при создании негативного стереотипа в восприятии Запада была не последней.

'^Философский энциклопедический словарь.М.,1983,С.!71.

Как уже отмечалось, герои пушкинских "Маленьких трагедий" сплошь иностранцы. Использованные сюжеты вполне можно было бы найти и в русской жизни. Но "авторитет", если угодно, западного героя в вопросах Зла углублял восприятие проблемы. С одной стороны, это все как бы не у нас и не про нас. А с другой - возраст, старшинство западноевропейской культуры придавали этим образам авторитет "архетипа"; проблема углублялась и расширялась до рамок общемировой. Характерно, что архетипы, практически все, родом из Европы. И русские герои, от "лишних людей" до платоновского "рыцаря" Копенкина, так или иначе связаны с архетипическими образами европейских литератур.

Становление классической русской культуры происходило на путях преодоления западной культуры. Формула, как известно, простая: восемнадцатый век - время овладения всеми аспектами европейской культуры: от одежды, манеры поведения до образования и искусства; девятнадцатый - время преодоления европейской культуры и становления культуры национальной, которая, достигнув вершин, переходит на уровень общемировой.

Итак, мы рассмотрели несколько типов образов иностранцев, населющих страницы произведений русских писателей. Нам казалось интересным взглянуть на вопрос о соотношении и взаимодействии русской культуры с культурами европейскими не через умозрительные выкладки философских статей, а через конкретных литературных персонажей.

Иностранцы, показанные в русской литературе, даются, как правило, сатирически и комически. Высмеиваются определенные стороны национальных характеров, мифологически приписываемые тому или иному народу.

Литература, как известно, есть самосознание народа, выраженное в творчестве того или иного писателя. Через иностранцев русская культура пытается, с одной стороны, преодолеть недостатки русского народа; с другой - в эпоху глобальных культурных взаимовлияний - сохранить своеобразие собственного культурного мира.

Нет ничего обидного ни для немцев, ни для англичан в том, как показаны представители этих народов в русской литературе. Все народы находятся в постоянном развитиии. При их взаимодействии выделяются черты, которые, может быть, следует преодолеть. Так складывается наднациональная, мировая, культура.